

НА ЗАРЬ НОВОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

(Думы и чувства).

IV.

Недавно пастыри одной из столиц не чернилами, а кровью писали. „Современное положеніе столичнаго духовенства, а равно и пастырей всей Россіи, невыносимо тяжело. Со всѣхъ сторонъ слышатся требованія, просьбы, мольбы, полныя душевной муки: отъ насъ требуютъ положительнаго и яснаго отвѣта на поставленные современностью неотложныя вопросы общественной жизни. Каждый пастырь въ отдѣльности, обратившись къ своей совѣсти могъ бы дать этотъ отвѣтъ; но отъ насъ требуютъ не нашего личнаго голоса, а голоса всей церкви, въ которой они желали бы видѣть святую учительницу жизни. И пастырь молчитъ. Печальный опытъ отдѣльныхъ попытокъ показалъ ему, что какой бы онъ ни далъ отвѣтъ, онъ одинаково возбуждаетъ неудовольствіе и соблазнъ многихъ. Призываетъ пастырь къ терпѣнію, къ борьбѣ съ крамолой—ему указываютъ на то, что христіанинъ долженъ слушаться Бога больше, чѣмъ людей, защищать сироту и обиженнаго, укоряютъ въ томъ, что духовенство становится на сторону притѣснителей, неправедныхъ и незаконныхъ судей. Но стоитъ пастырю встать на защиту униженнаго, указать на произволъ и незаконіе сильныхъ міра сего, призвать къ покаянію не только бѣдныхъ и смиренныхъ, но и богатыхъ и власть имущихъ, какъ начинаютъ раздаваться голоса съ другой стороны, обвиняющіе духовенство въ намѣреніи стать на сторону смуты, въ неблагопріятномъ вліяніи такой проповѣди на народъ.

Опаснѣе всего то, что голосъ отдѣльныхъ представителей церкви въ эти моменты возбужденнаго состоянія общественной мысли больше, чѣмъ когда-либо въ другое время, склонны отождествлять съ голосомъ всей православной церкви, ошибки и недоумѣнія личности ставить въ вину вѣчной истинѣ. Для многихъ и многихъ въ это тревожное и смутное время рѣшается вопросъ о томъ, идти ли имъ впередъ подъ церковнымъ крыломъ, или оставить ограду церкви „учрежденія отжившаго, связаннаго неразрывными нитями со старымъ порядкомъ вещей“. И страшно, дѣйствительно, чтобы вѣчное дѣло Божіе не связать съ непрочнымъ твореніемъ рукъ человѣческихъ, чтобы своимъ неосторожнымъ словомъ не оттолкнуть кого-либо отъ церкви. Для насъ несомнѣнно одно, что въ эту тяжелую годину намъ необходимо полное единеніе. Бесильны будутъ канцелярскіе указы, циркуляры и посланія. Чтобы быть увѣреннымъ въ правотѣ рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, нужно слышать голосъ всей русской церкви, голосъ церковнаго сознанія, предъ авторитетомъ котораго склонится и пасомый, и пастырь. Его мы не слыхали двѣсти лѣтъ... Мы просимъ о первѣйшемъ, по нашему взгляду, изъ насущныхъ вопросовъ, которые предстоить разрѣшить всецерковному собору—*о неотложности возстановленія канонической свободы нашей церкви*“¹⁾.

Подъ этой запиской, подъ этой іереміадой новаго времени, вѣроятно, подпишутся почти всѣ пастыри русской земли, усугубивъ сторицей и безъ того уже не веселые тоны и краски ея.

Сѣтованія на наши недуги въ настоящее время такъ всеобщы, что какую новую книжку вы ни возьмете, всюду найдете рѣчь о нихъ. „Всякому внимательному наблюдателю современной церковно-приходской жизни бросаются въ глаза многіе ея недочеты. Таковы, наприм., нерѣдкое отсутствіе сплоченности между членами паствы, холодное ихъ отношеніе къ своему пастырю, слабыя проявленія христіанской благотворительности, недостатокъ общительности и братолюбія, развитіе различныхъ темныхъ сторонъ народнаго быта“²⁾.

¹⁾ Зап. Петерб. пастыр.

²⁾ Л. О желательныхъ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ современнаго строя церковно-приходской жизни. *Вѣра и Разумъ* № 8. Стр. 350.

„Паутина, опутывающая свободу православной церкви, сложна. Но главные ея нити всё́мъ извѣстны. Они сводятся: къ отсутствію соборности, самодѣтельности, выборнаго начала, несвойственнымъ духу церкви, навязаннымъ ей государствомъ обязанностямъ, кастовой замкнутости, матеріальной необеспеченности, недостаткамъ духовнаго образованія и воспитанія и, наконецъ, самымъ формамъ государственно-церковнаго единенія.

Религіозное начало есть по преимуществу начало общественное. Вотъ почему „соборность“ была основнымъ началомъ церковной жизни и главнымъ принципомъ церковнаго управленія. Изгнаніе изъ нашей церковной жизни принципа соборности управленія повело за собою измѣненіе и самого духа церковной жизни. Дѣятельность Синода приняла характеръ внѣшній, полицейско-бюрократическій. Духовныя обязанности членовъ православной церкви были строго регламентированы и расписаны по статьямъ и параграфамъ, соответствующимъ „уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“. Было предусмотрено и уловлено малѣйшее религіозное проявленіе духа. Были подвергнуты полицейской регламентаціи всё явленія духовной жизни. Церковь была низведена на степень второстепеннаго государственнаго учрежденія. Этотъ поворотъ, который многіе приписываютъ безвѣрью Петра Великаго и его злобнопрезрительному отношенію къ ничтожнымъ личнымъ качествамъ стоявшихъ въ ту пору во главѣ церкви іерарховъ, прежде всего выразился въ упадкѣ основной ячейки церковной жизни—прихода. Русскій приходъ представлялъ прежде живую и самодѣтельную единицу. Община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной причтъ. Церковная казна поддерживала школы, благотворительныя учрежденія и даже нерѣдко играла роль кредитнаго учрежденія, выдававшего крестьянамъ ссуды на покупку земель. Община судила своихъ членовъ и имѣла право вмѣшательства въ семейную жизнь. Что осталось нынѣ отъ этой живой и дѣятельной общины?.. Глядя на церковь, какъ на одно изъ колесъ государственнаго механизма, на приходское духовенство возложили полицейско-сыскное дѣло. Убивъ въ корнѣ экономическое значеніе церковной общины и не обезпечивъ священнослужителей, создали церковный пролетаріатъ—вдовъ и

сиротъ умершихъ священниковъ. Въ борьбѣ съ этимъ зломъ прибѣгали къ другому, еще горшему—установили наслѣдственность священническихъ мѣстъ по мужской и женской линіи. Отсюда—кастовая замкнутость; отсюда—взглядъ на священство просто, какъ на извѣстнаго рода занятіе. Система денежныхъ сборовъ прихожанъ развилась такъ—называемое „пастырское безсиліе“. Требоисправление стало ремесломъ. Вынужденная торговля святыней отняла у духовенства всякій авторитетъ передъ народомъ и нравственную опору дѣятельности. Таково положеніе церкви среди народа.

Среди образованнаго общества положеніе это еще хуже. Недружелюбное или прямо враждебное отношеніе къ церкви значительной части интеллигенціи—ни для кого не тайна. Причины отчужденія общества отъ церкви не въ одномъ религіозномъ индифферентизмѣ, не только въ языческомъ характерѣ нашей свѣтской культуры. Онѣ коренятся глубже—въ складѣ церковной жизни, замершей, оторванной отъ волнующихъ общество интересовъ. Духовенство оказалось безсильнымъ примирить съ церковью и подчинить ея вліянію значительную часть образованнаго общества. Хорошая доля вины въ этомъ падаетъ на духовную школу. Государству нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересовъ. А наша духовная школа вся сосредоточена на исторіи, на прошломъ. Такъ-называемый союзъ церкви съ государствомъ на практикѣ выразился тѣмъ, что государство вотъ уже два вѣка интенсивно хозяйничаетъ на церковной почвѣ, не возвращая ей взятыхъ соковъ. Результатомъ такого хищническаго хозяйничанья явилось окончательное истощеніе церковной почвы. Отсюда самъ собою рождается и единственный способъ предотвращенія грозящаго худшаго упадка православной церкви—возстановленіе самостоятельности церковнаго организма“¹⁾.

„Вопросъ о созывѣ помѣстнаго собора Русской церкви въ настоящее время можно сказать, уже рѣшенный. Исполняются такимъ образомъ завѣтныя думы лучшихъ людей недавняго прошлаго... Въ дни переживаемаго нами подъема, когда особенно сильно бьется сердце каждаго христіански настроеннаго человѣка, мысль невольно обращается къ про-

¹⁾ *Рославлевъ. Разсв. № 55.*

идеи: хочется вспомнить борцовъ за идею церковнаго самоуправленія, соборнаго начала въ церкви... Пусть возрадуются и они духомъ съ нами... Пусть благословенна будетъ память ихъ“¹⁾...

Но эти великіе стоны и вопли и теперь у насъ не трогаютъ еще многихъ. По мнѣнію одного автора, у насъ все такъ хорошо обстоитъ, что мы рѣшительно не нуждаемся ни въ какой церковной реформѣ. „Нынѣшнее церковное неустройство, говоритъ онъ, зависитъ отъ нравственнаго уровня нашего духовенства, въ которомъ вовсе неповиненъ синодальный способъ управленія церковью. Намъ не надо ничего упразднять, не надо патріарха, не надо соборовъ: религиозное возрожденіе можетъ произойти само, его можно совершить безъ всякихъ церковныхъ реформъ. Пусть сброситъ съ себя духовенство турецкое (почему же турецкое?) платье, перестанетъ мечтать о казенномъ жалованіи, привлечетъ новыя силы изъ другихъ сословій, уничтожитъ свою кастовую организацію и, отказавшись отъ ремесленнаго возрѣнія на свою профессию, поищетъ Бога въ самомъ себѣ. Только въ такомъ исканіи, связанномъ съ реформой семинарій и съ оживленіемъ духовной литературы, можно ожидать уничтоженія церковнаго паралича“.

Не правда ли, какъ легко и просто разрѣшаются сложнѣйшіе и мучительнѣйшіе церковные вопросы?... Все дѣло оказывается не въ двухсотлѣтнемъ режимѣ, приведшемъ почти къ полному разложенію нашу церковную жизнь, а только въ „турецкомъ платьѣ“, да еще въ чемъ-то весьма неважномъ и незначительномъ... Дальше авторъ старается еще болѣе обосновать свои оригинальные доводы. „И въ настоящее время, при яко бы угнетеніи церкви администраціей, говоритъ онъ, многіе факты доказываютъ, что, наоборотъ, администрація скорѣе безсильна“. Чтобы не быть голословнымъ, авторъ приводитъ примѣръ, какъ Петербургскіе священники, прогнали землемѣровъ съ своихъ кладбищъ „въ зашей“, не смотря уже на состоявшую Высочайшую волю о передачи кладбищъ городу. Такъ и до сихъ поръ администраціи ничего не можетъ сдѣлать съ ду-

---

¹⁾ Къ вопросу о Всероссійскомъ Церковномъ Соборѣ. Отклики на современность. *Дух. Чт.* № 5 стр. 141 сл.

ховенством“. Жалѣю, что авторъ не спросилъ, кого слѣдуетъ. Ему указали бы и болѣе яркіе примѣры стойкости русскихъ пастырей...

Но продолжимъ рѣчь интереснаго автора. „Что не самая система внѣшнихъ отношеній администраціи дурна, доказывается и тѣмъ, что буквально тѣ же отношенія, но еще въ болѣе стѣснительной формѣ, существуютъ у насъ и для другихъ вѣроисповѣданій (не говоря уже о раскольникахъ, предоставленныхъ произволу полиціи). Это не помѣшало однако духовенству тѣхъ церквей пользоваться и вліяніемъ, и уваженіемъ среди своихъ единовѣрцевъ, а равно и пользоваться и матеріальнымъ достаткомъ“ 1).

Мы не считаемъ нужды много говорить о взглядахъ автора. Скажемъ ему немногое. Напрасно удивляется онъ тому, что представители современной церкви успѣшно борются съ администраціей и бюрократіей. Они успѣшно боролись бы и въ томъ случаѣ, если бы имъ приходилось тысячекратно больше переносить, чѣмъ сколько они переносили и сейчасъ переносятъ. Церковь—не простая, человѣческая организація. Она „наздана“ не авторитетахъ научныхъ и либеральныхъ, а на незыблемомъ основаніи (Еф. 2, 20). Вотъ почему, по слову неложному Спасителя, ее не сокрушить никогда не только никакая бюрократія, и но никакія темныя силы ада (Мѡ. 16, 18). Борьба христіанства съ язычествомъ доказала это всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ во очію. И церковь Синодальнаго періода украшена святыми выдающимися пастырями, архипастырями, мірянами. Достаточно только вспомнить Святителя Тихона Задонскаго, Преп. Серафима Саровскаго. Но отсюда все-таки никакъ не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что церковь нужно держать въ тискахъ и кандалахъ. Не слѣдуетъ хотя бы только потому, что зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ тратить напрасно силы на двойную работу—на разбиваніе путь и на служеніе міру. Не лучше ли отдать всѣ свои силы безъ остатка этому послѣднему? Не говорю уже о томъ, что и далеко не всѣ имѣютъ мужество одновременно нести эти два трудные креста—служить другимъ и еще бороться за это право служенія.. Это напоминаетъ мнѣ солдата на войнѣ, у котораго

1) *Нов. Вр.* № 10446.

въ одной рукѣ ружье, а въ другой книжка. Въ старину люди прибѣгали больше къ „пѣшему хожденію“. И теперь всѣ могутъ пользоваться этимъ способомъ передвиженія. Однако мы выдумываемъ пароходы, желѣзные дороги, трамваи, да еще вотъ все ухитряемся, нельзя ли какъ намъ и по воздуху летать...

„Если по правдѣ сказать, то при полной свободѣ исповѣданій, которая неминуемо перейдетъ въ свободу пропаганды, для васъ, отцы, и своей работы будетъ болѣе, чѣмъ преизбыточно. Займитесь Словомъ Божиимъ, изучите расколотство, познакомьтесь съ церковными канонами... Ибо едва ли половина теперешней православной паствы устоитъ противъ искушенія нашей слабости. А другая половина, исключительно по винѣ нашей, можетъ уйти изъ церкви и никакая соборность управленія и никакое патріаршество не удержитъ ее на лонѣ „подлинной Христовой истины“¹⁾. Остается теперь еще ждать, что авторъ для подъема и развитія пастырской дѣятельности порекомендуемъ „напустить“ на нашихъ пастырей миссіонеровъ магометанства, буддизма, язычества, теософіи, масонства и т. д. Не понимаю, какъ авторъ не видитъ, что неуспѣхъ пастырей нашихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ нашего церковнаго неустройства. Для примѣра возьмемъ хотя бы нашу школу, ставшую теперь притчею во языцѣхъ. Сколько закрыто семинарій, въ сколькихъ совершены страшные погромы, соединенные иногда съ возмутительнымъ даже кощунствомъ, въ сколькихъ внутренняя язва старательно прикрывается начальствомъ... О многомъ дѣющемся въ нашихъ школахъ писать стыдно просто... И это школы, которыя имѣютъ своею задачею готовить будущихъ пастырей церкви. Съ чѣмъ же выйдетъ изъ такой школы на будущее дѣланіе, на свою святую ниву будущій пастырь?... Не удивляйтесь поэтому, что понижается въ нашихъ пастыряхъ духъ и пастырская ревность, не удивляйтесь и еще большому, о чемъ уже и писать нельзя. Если мы не опомнимся вовремя, то будемъ очевидцами и еще болѣе печальныхъ явленій въ жизни нашихъ пастырей.

Не говорю о многомъ другомъ, что препятствуетъ совре-

---

¹⁾ Н. Гринякинъ. Отклики. Мис. Обзор. 115, стр. 813.

меннымъ пастырямъ успѣшно работать. Не говорю просто потому, что не хочу повторять избитое и старое. Если бы „врачующій“ такъ просто современный церковный строй принялъ это во вниманіе, онъ, конечно, не писалъ бы того, что писалъ...

Нашелся и еще авторъ, который старается также доказать, что синодальное управленіе не нуждается почти ни въ какихъ реформахъ. Нуждается оно развѣ только въ кое-какихъ незначительныхъ поправкахъ. Авторъ, очевидно, человекъ серьезный и старается обосновать свою мысль твердо, непоколебимо. Но его разсужденія насъ всетаки мало удовлетворили. Для характеристики подобной защиты приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Авторъ пишетъ: „вѣдь недочеты бывали и при патріархахъ и при соборномъ управленіи“... Недочеты, скажемъ мы отъ себя, бывали и во времена вселенскихъ соборовъ. Для убѣдительности можно сослаться на „Разбойничій соборъ“... И не только этотъ одинъ соборъ, но и многіе другіе можно указать въ данномъ случаѣ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Во всякомъ случаѣ не то, что вселенскіе соборы нужно сравнивать съ синодальными канцеляріями и цѣлокупный организмъ церкви замѣнить одними никогда несмѣняемыми свѣтскими чиновниками въ мундирахъ, миссіонерами, законоучителями, наблюдателями во фракахъ...

Защищая то, что теперь уже многіе перестали защищать, авторъ дальше доходитъ до весьма любопытныхъ выводовъ. „Со стороны принципальной задача церкви не въ томъ, чтобы кондетрировать всѣ церковныя функціи въ мірѣ въ рукахъ духовенства, а въ томъ, чтобы и каждый изъ мірянъ участвовалъ въ церковномъ служеніи, дабы всѣ ходили во свѣтъ Христовомъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ свѣтскіе чиновники вѣдомства суть церковнослужители“. „Оберъ-Прокуроръ и свѣтскіе чиновники представляютъ собою сторону государства“. Уже ли же это и есть та самая соборность, какая была въ старину? Ужели такой именно соборности хотѣтъ архипастыри, пастыри и міряне въ настоящее время? Если у насъ будетъ продолжаться такая соборность, то мы будемъ свидѣтелями еще большаго внутренняго застоя церковной жизни, еще большей вялости ея, и, быть можетъ, дойдемъ до полнаго ея краха. Соборность—не случайный

придаюкъ церковной жизни, а основное начало ея, главный, принципъ, фундаментъ, духъ и жизнь ея.

Не менѣе интересны и дальнѣйшія строки автора. Онъ пишетъ: „допустите мысленно, что оберъ-прокуроръ—епископъ, и вы тѣмъ самымъ отдадите его на службу государству, т. е. введете нынѣ отсутствующій цезаропапизмъ“. Немножко это напоминаетъ мнѣ Эразма Роттердамскаго, который рассказываетъ о какихъ-то монахахъ, бравшихъ деньги въ свои руки не иначе, какъ вооружившись перчатками. Эти монахи были крѣпко убѣждены въ томъ, что они никогда не брали денегъ. И тутъ: имѣть дѣло съ государствомъ черезъ Оберъ-прокурора—не цезаропапизмъ, а если сноситься непосредственно—цезаропапизмъ. Невольно при этомъ мнѣ припоминается и наша и не наша старина. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, въ старое доброе время, въ первохристіанское и непервохристіанское, когда не было ни оберъ-прокурора, ни различныхъ чиновниковъ, жили великіе святители и какъ, стоя во главѣ церкви и управляя ею только по канонамъ церковнымъ, не подвергались обличенію въ цезаропапизмъ. Мало того, времена тѣхъ святителей считаются вождельными временами. Къ нимъ обращены взоры всѣхъ. Ихъ желаютъ воскресить и нынѣ. Нельзя говорить объ отсутствующемъ цезаропапизмѣ нынѣ, когда онъ у всѣхъ на виду и тысячекратно подтверждается вездѣ и всюду...

Авторъ далѣе весьма боится „чиновниковъ въ рясахъ“, которые замѣняютъ собою многихъ теперешнихъ чиновниковъ безъ рясы. Чтобы выпутаться изъ этого затрудненія, онъ заявляетъ, что „каноны предписываютъ поставлять клириковъ къ церквамъ, а не къ канцеляріямъ“. Я не хочу понимать автора въ томъ смыслѣ, что онъ считаетъ неумѣстнымъ пребываніе въ Св. Синодѣ и тѣхъ немногихъ духовныхъ особъ, какія тамъ теперь находятся, и желаетъ и ихъ замѣнить свѣтскими чиновниками. Не будемъ много говорить и о томъ, имѣли ли мѣсто „клирики“ въ управленіи церковью въ далекое прошлое время. Мы знаемъ, что въ старину наши архипастыри не особенно нуждались въ „чужихъ устахъ“. Умѣли они говорить и съ царями, и князьями, и сидѣть въ боярской думѣ, скрѣплять документы наипервѣйшей государственной важности... И это все было уже

такъ давно, давно... Присутствовали не „для декораціи“ и дѣль не „проигрывали“ не только своихъ, но и чужихъ.

Въ русской церкви было немало подобныхъ архипастырей. Для примѣра я назову хотя одного св. архіепископа Новгородскаго Василія (XIV в.). Архіепископы Новгородскіе тѣмъ и отличались отъ владыкъ другихъ епархій, что принимали весьма близкое участіе въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ и имѣли на нихъ сильное вліяніе. Такъ св. Василій являлся главнымъ заступникомъ предъ великими князьями, стараясь, насколько возможно, примирить стремленія свободолюбиваго Новгорода съ деспотизмомъ великихъ князей и почти всегда достигалъ этой цѣли. Когда же онъ видѣлъ, что примиреніе невозможно, то обыкновенно становился на сторону новгородцевъ, непреклоннымъ защитникомъ ихъ интересовъ. Такого рода политика имѣла благотворное вліяніе какъ на великихъ князей, видѣвшихъ въ немъ сильнаго борца за интересы Новгорода, предупреждая и сокращая ихъ чрезмѣрныя стремленія, такъ и для самихъ Новгородцевъ, которые становились подъ вліяніемъ своего архипастыря болѣе сговорчивыми при обсужденіи требованій великаго князя, уступая въ мелочахъ и сохраняя главныя основы своей самостоятельности.

Широка была и общественная дѣятельность св. архіепископа! Городомъ правилъ въ то время „народъ-вѣче“. Высшія должностныя лица, не исключая и владыкъ Новгородскихъ, были тѣмъ же народомъ, съ тѣми же правами голоса... Это и открывало св. архіепископу широкій просторъ для воздѣйствія на общественную жизнь. Разгоралась вражда двухъ партій, которая могла даже дойти до кровопролитія, по замѣчанію лѣтописца, „Владыка Василій, съ намѣстникомъ Борисомъ, доканаше миръ межи ими“. Указанный фактъ ясно рисуетъ намъ взаимное отношеніе архіепископа и народа. Только голосъ владыки могъ примирить враждующихъ и это случалось не одинъ разъ... Сердечныя отношенія св. Василія къ Новгородцамъ выражались и въ его работахъ о внутреннемъ благоустройствѣ Новгорода. Разумѣемъ многочисленныя постройки владыки. Такъ имъ были построены: стѣны, острогъ, мостъ и проч. Особенный интересъ представляетъ устройство архипастыремъ моста черезъ Волховъ. Мостъ сдѣланъ не только при его участіи, но и на его

средства. Лѣтописецъ, желая отмѣтить важность этой постройки для Новгорода, высказываетъ такое благожеланіе св. Василию: „дай Богъ ему многи лѣта... многа добра сотвори христіаномъ“.

Лѣтописи, рассказывая о смерти св. Василия, вмѣстѣ съ тѣмъ рисуютъ и ту силу любви его къ своей паствѣ, и ту преданность къ своему дѣлу, которая является характерною чертою именно многихъ древнихъ нашихъ архипастырей. „Трудно представить, какъ могъ онъ совмѣстить, какъ хватало у него времени исполнять все то, что приписываютъ ему лѣтописцы. Безъ сомнѣнія онъ не жалѣлъ себя для блага родной епархіи. Отдыхъ его—работать для блага пасомыхъ. Не любовь ли заставила его унижаться предъ великими князьями, смиряться предъ Псковомъ, оказывать уваженіе князю Литовскому?.. И неудивительно, что Новгородъ не только *уважалъ* своего св. архипастыря, но и *любилъ* его, *молился* за него. Недаромъ современникъ пишетъ: „дай же, Госпоже, ему много лѣтъ жити въ семь вѣщъ, а въ ономъ, Госпоже, постави десную себѣ, иже много трудися о церкви Твоей“ ¹⁾).

Не будемъ говорить и о томъ, вѣдаютъ ли „клирики“ дѣла церковныя въ единовѣрныхъ намъ восточныхъ церквахъ. Скажемъ только одно: а развѣ нынѣ клирикамъ, „поставленнымъ къ церквамъ“, препятствуетъ что-нибудь быть членами консисторій, учебнаго комитета, училищнаго совѣта, а въ недавнее время и самого Св. Синода?.. Я не буду устанавливать процентнаго отношенія пастырей, вѣдающихъ церковно-гражданскую сторону нашего вѣдомства, и мірянъ, но только не „чиновниковъ“. Напомню автору слова одного стариннаго пастыря, жаловавшагося своимъ архипастырямъ: „Господа священноначальницы! назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя: боляры, и дворецкими, недѣльщики, тѣны и доводчики, своихъ дѣляя прибытковъ, а не по достоянію апостольскому... Вамъ достоинъ пасти церковь священниками богобоязненными, а не мірскимъ воинствомъ“. (Соб. 1503 г.). Эти слова говорилъ человѣкъ, на себѣ извѣдавшій всю силу „мірскаго

¹⁾ С. *Артобозескій*. Св. Василій, архіепископъ Новгородскій. Моск. Церк. Вѣд. № 17—18 стр. 201 сл.

воинства“ и ясно понимавшей, какъ было бы хорошо пастырю среди этого „воинства“ встрѣчать и своего брата пастыря же...

Припоминается при этомъ мнѣ слѣдующія слова одного нашего іерарха. Когда я ему говорилъ, что въ настоящее время слѣдовало бы возможно болѣе привлечь мірянъ къ участию въ церковныхъ дѣлахъ, онъ улыбулся и сказалъ:

— Если дѣло касается Синода, то какъ разъ наоборотъ. Тамъ „пастыри“ совсѣмъ незамѣтны среди множества чиновниковъ. Они совершенно затѣнены ими.

И дѣйствительно, болѣе чѣмъ на 185 несмѣняемыхъ свѣтскихъ чиновниковъ Синода, смѣняемыхъ представителями духовной власти, кажется, нельзя насчитать и десятка. Число служащихъ духовныхъ лицъ въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ коренною своею задачей приготовленіе будущихъ пастырей церкви, во многихъ епархіяхъ не превышаетъ одного или двоихъ человекъ. Наблюдательство надъ церковными школами все болѣе и болѣе начинаетъ переходить къ свѣтскимъ лицамъ. О различныхъ миссіонерахъ въ кокардахъ писано уже не мало.

Въ страхъ за будущее авторъ, наконецъ, начинаетъ страдать духовенство и тѣмъ, что это походитъ на отдѣленіе церкви отъ государства, и тѣмъ, что это угрожаетъ въ будущемъ отнятіемъ государствомъ у нашего духовенства пособій ¹⁾.....

Повторяю, я рѣшительно не могу понять, какимъ образомъ авторъ можетъ защитить незащитимое. Бѣдъ нѣкоторые изъ самыхъ чиновниковъ синодскихъ, которые пооткровеннѣе, давно ужъ заявляютъ открыто о ненормальности нашего церковнаго бюрократическаго устройства. Послушайте, что пишутъ объ этомъ люди свѣтскіе, которыхъ ужъ нельзя заподозрить въ клерикализмъ. „Фактически все учрежденіе направлено такъ, что власть надъ церковью держится всецѣло въ рукахъ чиновниковъ, вслѣдствіе чего въ тѣ же руки бюрократіи попадаетъ и власть Синода надъ епархіальными епископами. Архіереи въ лучшемъ смыслѣ превращаются въ простыхъ „консультантовъ“, въ худшемъ же просто „рукоприкладствуютъ“ къ мѣрамъ, выработаннымъ чиновниками“. Это еще не все, по словамъ автора. „Наша система, пишетъ онъ, производитъ и особенно деморализующее нравственное

¹⁾ Рус. Лист. № 85.

дѣйствию, такъ какъ она проникнута непониманіемъ православія и неискренностью, противорѣчіемъ между видимостью и дѣйствительностью. Въ этомъ отношеніи наша система гораздо хуже римско-католической, и протестантской, которыя осуществляютъ то, во что вѣрятъ. „Благо церкви діаметрально расходится съ требованіями бюрократической системы“. Бюрократическая система извратила рѣшительно все: приходскую жизнь, внутреннюю и виѣшнюю миссію, школу, всѣ стороны церковнаго управленія и т. д. 1). „Оберъ-прокуроръ имѣетъ въ русской церкви такую власть, какой не можетъ имѣть никакой патріархъ. Всякій патріархъ въ своемъ округѣ ограничивается мнѣніемъ своего Синода, и собирающихся въ церкви соборовъ, а оберъ-прокурорская власть въ Россіи, со стороны церковной, ничѣмъ не ограничивается. Будучи исключительнымъ посредникомъ между свѣтской властью и Синодомъ, оберъ-прокуроръ никому не представляетъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ одного Государя, и притомъ представляетъ въ такомъ видѣ, въ какомъ самъ захочетъ. Апелляція почти-что невозможна... Никто не можетъ обличить его ни въ какой несправности или своеволіи; все находится въ безусловной зависимости отъ него. Надъ всякимъ собственно духовнымъ рѣшеніемъ собственно духовныхъ членовъ Синода онъ, во имя общихъ государственныхъ интересовъ, всегда можетъ поставить „veto“.

Въ сферу „компетенціи“ оберъ-прокурора входитъ не только наблюденіе за теченіемъ церковной жизни, за состояніемъ духовнаго образованія, за исправностью епархіальнаго управленія, отъ него не только зависятъ назначенія, перемѣщенія и увольненія епископовъ,—но въ значительной степени зависятъ и измѣненіе самыхъ порядковъ церковной жизни.

О гр. Протасовѣ передается, наприм., слѣдующее 2). Все дѣлалось по его велѣнію, и стукъ его гусарской сабли былъ страшенъ для членовъ Синода. Вліяніе оберъ-прокуроровъ на ходъ и развитіе церковно-общественной жизни Россіи настолько огромно, что тѣ перемѣны во внутренней жизни, какія могутъ обозначать различныя эпохи, соединяются

1) *Рус. Дѣл.* № 11. Ср. *Нов. Пут.* Ст. А. Тернавц.

2) *Сборн. Императ. русск. ист. общ.* т. 113.

обычно съ переменными оберъ прокуроровъ. Эпохи эти по преимуществу обозначаются ихъ фамиліями: эпоха голицынская, протасовская и проч. Одинъ вступаетъ въ управление церкви съ идеями воинской дисциплины и всего болѣе старается о томъ, чтобы ввести внѣшнюю дисциплину въ церковную администрацію, въ духовно-учебныя заведенія, въ богословскую науку и въ самое вѣроученіе церкви ¹⁾. Другой приходитъ изъ великосвѣтской среды и особенно старается провести возможно больше свѣтскости въ воспитаніе и жизнь духовенства. Третій преклоняется предъ простотою народной вѣры,—являются опасенія относительно твердой постановки образованія въ духовенствѣ. Четвертый—врагъ клерикализма и вообще церковности, старается о томъ, чтобы въ жизни церковной какъ можно было меньше церковнаго характера, и чтобы управленіе церковное совершенно походило на управленіе другихъ государственныхъ вѣдомствъ. Иной приноситъ въ управленіе даже идеаль строго католической централизаціи и дисциплины, другой же, напротивъ, увлеченъ болѣе протестантскими идеалами и желалъ бы, чтобы у насъ въ церкви было болѣе протестантской свободы, мысли и жизни. Иной-мистикъ и піетистъ старается дать ходъ всякимъ направленіямъ такого рода. Другой-же прямо—вольнодумецъ, атеистъ, въ интересахъ котораго—возможно болѣе парализовать чистоту и самостоятельность церковной жизни. Одинъ преимущественно уважаетъ ученость, а другой—безкнижную простоту. Одинъ желалъ бы, чтобы въ епископахъ было больше консерватизма, а другой—либерализма...

Естественно, что представители церкви все болѣе и болѣе теряютъ самостоятельность и энергію, и эти качества въ жизни церковно-общественной не только съ каждымъ столѣтіемъ или полустолѣтіемъ, а можетъ быть съ каждымъ десятилѣтіемъ все слабѣли и слабѣли“ ²⁾...

Даже „Гражданинъ“ повторяетъ эти рѣчи. Въ данномъ случаѣ интересны воспоминанія автора „Дневниковъ“ о „трехъ типичныхъ оберъ-прокурорахъ Святѣйшаго Синода“:

Разнаго типа, они всѣ три имѣли для бѣдныхъ членовъ Святѣйшаго Синода одно и то же значеніе—*Аракчеева*.

¹⁾ Прот. *Иванцовъ-Платоновъ*. О русск. церк. управл.

²⁾ *Я. Н.* Чиновничество въ духовномъ вѣдомствѣ. *Разсв.* № 47).

Я помню доживавшаго свой грозный для Синода вѣкъ графа Протасова. Воспитанникъ іезуитской школы, отличный танцоръ, блестящій гусарь, онъ попалъ неизвѣстно почему въ помощники оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Нечаева и затѣмъ въ оберъ-прокуроры. Какъ помощникъ оберъ-прокурора, онъ мягко сталъ, а когда сдѣлался оберъ-прокуроромъ, то жестко пришлось членамъ Святѣйшаго Синода спать. Онъ явился въ полномъ смыслѣ слова для нихъ Аракчеевымъ, но со сладкою улыбкою, и не то что вершать дѣла, но дышать не давалъ имъ безъ своего на то соизволенія, такъ что московскій Филаретъ, котораго никакъ нельзя было заставить согнуть колѣни передъ диктаторомъ оберъ-прокуроромъ, пересталъ ѣздить въ Петербургъ для засѣданія въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Послѣ этого оберъ-прокурора іезуитской школы были двѣ кратковременныя передышки для Синода, при ген.-адъют. Ахматовѣ и при князѣ С. И. Урусовѣ. Оба избѣгали свою власть превращать въ тиранию и жили въ мирѣ съ отцами церкви, не задаваясь никакими задачами личной инициативы. Послѣ нихъ насталъ второй аракчеевскій вѣкъ для Святѣйшаго Синода, въ лицѣ гр. Д. Толстого, который отличался отъ гр. Протасова тѣмъ, что онъ былъ въ проявленіяхъ своего абсолютнаго авторитета не двуличенъ, не актеръ, а прямъ и всегда правдивъ. По убѣжденіямъ скорѣе деистъ, чѣмъ православный, графъ Толстой изображалъ въ своихъ отношеніяхъ къ Синоду твердый авторитетъ премьера, какимъ онъ себя считалъ, и внушалъ къ себѣ прежде всего страхъ. Послѣ него, въ 1880 году, наступилъ вѣкъ третьяго Аракчеева, доселѣ пребывающаго въ своей должности оберъ-прокурора.

Какъ извѣстно, выборъ этотъ былъ подсказанъ диктаторомъ той эпохи гр. Лорисъ-Меликовымъ, которому, въ свою очередь, эту кандидатуру подсказали люди, знавшіе, что К. П. Побѣдоносцевъ, кромѣ большого ума и образованія, проявлялъ любовь къ православной церкви и ревность къ ней. И дѣйствительно, съ безпощадною критикою къ своимъ предшественникамъ, со стремленіями къ обновленію и оживленію церкви вступилъ въ свою должность преемникъ гр. Толстого.

Но странна была роковая судьба нашей церкви въ лицѣ ея Синода: въ теченіе какихъ-нибудь 60 лѣтъ три долгихъ

вѣка Аракчеевыхъ въ должности оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода: первый въ лицѣ воспитанника іезуитской школы, второй—въ лицѣ денета, а третій—въ лицѣ самаго, казалось, фанатичнаго любителя культа православной церкви. Результаты оказались одинаковы, и именно по этимъ одинаковымъ результатамъ всѣ три сыграли одну и ту же роль Аракчеева по отношенію къ церкви, заглушивъ все живое, самостоятельное и независимое и требуя рабскаго передъ своею личностью поклоненія“¹⁾).

Не иное что говорятъ и другіе, очень и очень большіе чиновники самого Синода и говорятъ давно. Мало того, и другихъ ужъ весьма давно усиленно толкаютъ на путь улучшения положенія церкви...

„Что строй нашъ неудовлетворителенъ и неканониченъ, объ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній; защищать его могутъ развѣ официальные, казенные апологеты. Что намъ необходимо возвратиться къ строю соборному, что церковь нашу необходимо освободить отъ мірскаго вліянія, это знаетъ и чувствуетъ всякій, вдумчиво и сочувственно относящійся къ дѣламъ нашей церкви. Дурная сторона Петровской реформы не въ томъ, что она уничтожила патріаршество и установила синодъ, а въ томъ главнѣйше, что вмѣстѣ съ этимъ упразднился и законный, древній, соборный строй церкви, неимѣющий ничего общаго съ новымъ синодальнымъ, кромѣ этимологическаго свойства, которымъ и пользуются официальные богословы для того, чтобы оправдать нашъ современный строй. „У насъ совершенно законное, правильное церковное управленіе, говорятъ они: по древнимъ канонамъ церковь управляется соборомъ по-гречески *Συνοδος*). Вотъ у насъ и есть этотъ самый Синодъ или Соборъ. Ничего иного намъ и не нужно. Нашъ Соборъ-Синодъ даже и лучше древняго, ибо тотъ собирается два раза (прав. 37 св. апост.) въ годъ, а нашъ Синодъ засѣдаетъ цѣлый годъ. Но бѣда въ томъ, что это лишь наивная игра словъ, ибо настоящій законный „Синодъ“, настоящій „Соборъ“ состоитъ не изъ нѣсколькихъ высокихъ іерарховъ, созываемыхъ въ дѣйствительности представителемъ мірской власти, и дѣйствующихъ въ очень стѣснительныхъ рамкахъ, а всѣхъ,

¹⁾ Ср. Р. С. I. № 122 и др.

по возможности, іерарховъ русской церкви, притомъ съ привлеченіемъ въ него и низшаго духовенства, даже и мірянъ, не имѣющихъ впрочемъ права участвовать въ голосованіи“¹⁾).

Наконецъ, еще кто-то заявляетъ открыто, безъ всякаго стѣсненія, что пусть ужъ у насъ будетъ лучше „церопапизмъ“, чѣмъ „папизмъ“. Такъ дорога для нѣкоторыхъ чисто-церковная реформа, стремящаяся возстановить въ церкви все самое дорогое, что только ей досталось отъ всѣхъ вѣковъ минувшихъ, приложить къ жизни всѣ ея безцѣнные сокровища, собранныя въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ этомъ заявленіи хорошо развѣ только одно—это откровенность. Какимъ то даже какъ бы цинизмомъ отдаетъ отъ этихъ словъ. Я съ своей стороны нисколько не удивлюсь, если авторъ предпочтетъ „папизму“, „клерикализму“ „магометанопапизмъ“ или даже еще что-нибудь болѣе худшее. И произносятъ же люди со спокойной совѣстью столь великія слова: пусть лучше не будетъ у насъ никакой реформы...

V.

Задерживая дѣло церковной реформы, одни говорятъ: мы переживаемъ теперь такое время, когда „истинный пастьрь добрый долженъ думать лишь о томъ, чтобы всѣмъ сердцемъ быть съ народомъ въ его тяжелой борьбѣ противъ враговъ внѣшнихъ и смуты внутренней“. Другіе собираются ходатайствовать предъ Государемъ объ отложеніи этого дѣла до окончанія войны. Третьи утверждаютъ: „православные люди не могутъ предоставить патріарху тѣхъ преувеличенныхъ правъ, какими Синодъ, въ силу самой своей неканоничности, облеченъ въ отношеніи нашихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ въ ихъ приходской жизни“. Не могутъ даже и временно... Откуда такая ревность? Почему міряне молчали раньше, когда вся эта власть была въ рукахъ простаго мірянина?..

Но среди этого шума многихъ, желающихъ затормозить дѣло церковной реформы, мы слышимъ и противоположнаго характера голоса. „Болѣзни наши тяжелы... Къ врачеванію надо приступать немедленно, не откладывая дѣла въ длин-

1) А. Куртеев. Нов. Вр.

ный, длинный бюрократическій ящикъ. Сочувствуя многимъ мыслямъ въ рефератѣ г. Новоселова, мы никакъ не можемъ согласиться съ его предложеніемъ ждать какихъ то болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ для серьезной работы въ области церковныхъ преобразованій. Гнилость системы откладываваній, умолчаній, „постепенности“, кажется, уже доказана вполне достаточно всей нашей предшествующей исторіей. Не слѣдовало ли бы хотя теперь, послѣ горькихъ опытовъ, на ней останавливаться? Надо скорѣе „итти и исцѣлить“, ибо и самое наступленіе болѣе благоприятныхъ условій для работы обстоятельствъ немыслимо безъ общей дружной работы на пользу общую. Въ противномъ случаѣ, мы будемъ кружиться въ заколдованномъ бѣличьемъ колесѣ, оставаясь въ то же время на одномъ мѣстѣ: къ реформамъ приступить нельзя, ибо война: кончится война, тогда обсудимъ. Но вѣдь нужда во врачеваніяхъ то когда чувствуется: теперь или когда-ниб. послѣ? Конечно, теперь. Теперь и надо лечить. Вѣдь нельзя же противохолерные карантинныя строить тогда, когда холера отошла уже въ область преданія? На крики страданія должно, полагаемъ,—по примѣру доблестныхъ петербургскихъ священниковъ, подавшихъ митрополиту докладную записку о церковныхъ преобразованіяхъ—отзывать сейчасъ же немедленно. Мы радуемся, что Св. Синодъ не медлитъ съ этимъ дѣломъ. Скорбимъ лишь, что пока не видимъ участія самой церкви въ дѣлахъ церкви.

Но какъ возможно осуществленіе въ жизни плановъ, здѣсь сейчасъ намѣченныхъ?

Прежде всего каждый христіанинъ отъ мала до велика долженъ навсегда отказаться отъ той мертвенности и пассивности, въ которой доселѣ (что грѣха таить) большинство по крайней мѣрѣ пребывало. Пусть живая христіанская душа встрепенется для живого плодотворнаго дѣла.

И эта жизнь, вновь пробудившаяся послѣ долгой бюрократической мертвецкой спячки, воскресшая изъ гроба силою Начальника жизни,—должна отнынѣ всюду,—въ городахъ, селахъ, деревняхъ,—закипѣть цѣлебноснымъ ключемъ, пробивающимся сквозь всякія грязныя и колючія препятствія. Въ главныхъ епархіальныхъ городахъ пусть архирастыри созываютъ мѣстные соборы изъ духовенства и образованныхъ мірянъ для разработки живыхъ насущ-

ныхъ вопросовъ, которыми нынѣ переполнена душа всякаго сознательнаго человѣка. Въ уѣздныхъ городахъ пусть созываются свои особья совѣщанія, въ селахъ свои, дабы потомъ частныя рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ жизни передавались на разсмотрѣніе общепархіальнаго съѣзда ¹⁾).

„Объявленное въ самый день Пасхи, при особомъ Высочайшемъ указѣ, положеніе комитета министровъ, устанавливающее у насъ, наконецъ, дѣйствительную вѣротерпимость, встрѣчено по всей Россіи съ восторгомъ. Но при чтеніи этого величайшаго въ настоящемъ царствованіи акта, знаменующаго собою безъ сомнѣнія грядущую свободу, у каждаго православнаго, къ радостному чувству невольна примѣшивается какая то грусть. Невольно возникаетъ вопросъ, когда же,—о Господи—мы, православные, сыны господствующей церкви, узримъ нашу православную церковь свободною отъ бюрократическихъ узъ, а—себя членами автономныхъ приходскихъ общинъ?

Мы знаемъ, что Государь Императоръ твердо рѣшилъ созвать помѣстный соборъ російской церкви для обсужденія вопроса о преобразованіи церковнаго правленія и разрѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ въ области вѣроученія и вѣримъ, что этотъ соборъ—не за горами. Но мы полагаемъ, что вѣкоторые вопросы нашего церковнаго устройства и управленія могли бы быть разрѣшены до созыва собора, чтобы ко времени его открытія наша церковь предстала бы свободной отъ излишнихъ наслоеній и искаженій въ самой ея природѣ, сдѣланныхъ двухсотлѣтнимъ бюрократическимъ управленіемъ ею. Приходскій вопросъ, имѣющій обширную литературу и давно назрѣвшій, требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Если это не будетъ сдѣлано теперь же, то православные будутъ чувствовать себя въ гораздо болѣе приниженомъ и безправномъ положеніи, чѣмъ то, въ какое нынѣ поставлены старообрядцы и даже сектанты. Въ самомъ дѣлѣ: указомъ 17 апрѣля религіознымъ обществамъ старообрядцевъ и сектантовъ присвоено наименованіе „общинъ“, и за ними, а также за учреждаемыми ими богоугодными заведеніями, признано право на владѣніе движимыми и недвижн-

¹⁾ М. В. Великій „печальникъ земли Русской“—патріархъ всероссійскій. *Огл.* Е. В., № 14 408—409. Ср. Е. Сергій, А. Михайль и др.

мыми имуществами, т. е. имъ предоставлены права юридическихъ лицъ. Между тѣмъ мы, сыны господствующей церкви, по прежнему остаемся лишь отдѣльными, безгласными „посѣтителями“ храмовъ, за которыми и законъ, и обыкновение прочно закрѣпили названіе „церквей“, содѣйствуя тѣмъ окончательному атрофированію у насъ сознанія, что мы—члены малой церкви, приходской общины, имѣющей опредѣленныя задачи и обязанности. За приходомъ у насъ не признается правъ юридического лица. По крайней мѣрѣ недавно правительствующимъ сенатомъ отказано г. Щечкову, пожертвовавшему одну десятину православному приходу, признать приходъ, имѣющимъ право на владѣніе собственностью. Такимъ образомъ старообрядческіе приходы и сектантскія общины находятся въ настоящее время въ болѣе привилегированномъ положеніи, чѣмъ православные приходы, за которыми признается лишь территоріальное значеніе. Едва ли предоставляется удобнымъ такое положеніе вещей, когда представителямъ господствующей церкви не остается другого выхода, какъ ходатайствовать объ уравненіи ихъ въ правахъ съ старообрядцами и сектантами“ ¹⁾.

„Снятый съ очереди церковный вопросъ неизбежно выдвигается вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ религіозной совѣсти. Мнѣ кажется, что постановка вопроса о патриаршествѣ и сгубила его, давъ въ руки врагамъ церковной реформы оружіе для борьбы съ нею. Если бы все дѣло ограничилось пока перечисленными пунктами, по всей вѣроятности, ни г. Побѣдоносцевъ, ни его чиновники не такъ старались бы затормозить его. Къ несчастью, охватившая все русское общество нервность сообщилась, вѣроятно, и инициаторамъ въ возбужденіи церковнаго вопроса. Они поторопились, задѣли личное самолюбіе чиновниковъ и тѣмъ выпустили его изъ своихъ рукъ. А между тѣмъ, современное положеніе православной церкви, при вновь открывшихся обстоятельствахъ духовной и общественной жизни, грозитъ стать невыносимымъ“ ²⁾.

Еще опредѣленнѣе и категоричнѣе въ данномъ случаѣ

1) К. Ровинскій. Указъ 17 апрѣля и приходскій вопросъ. Слово № 137. Ср. Церк. Вѣстн. № 17. 17-е апрѣля для православной Церкви.

2) Рославлевъ. Разсв. № 55.

высказывается одинъ авторъ. „Въ новомъ законѣ для па-стыря и всякаго истиннаго православнаго христіанина дорого не это одно великое дѣло дарованія духовной свободы многимъ милліонамъ русскихъ подданныхъ, но и ясная и несомнѣнная заря другого, еще большаго дѣла,—дѣла освобожденія православной Церкви и дарованія духовной свободы всей многомилліонной массѣ нашего православнаго народа... Мы вѣримъ, что лучшее будущее и для нашей церкви настанетъ въ самомъ скоромъ времени“ ¹⁾.

Конечно, церковь и много лѣтъ терпѣливо ждала. Немного и подавно подождать. Но читая писанія людей, прикрывающихся канонами и патриотизмомъ, все же недоумѣваешь, если невозможно сейчасъ приступать прямо къ церковной реформѣ, то почему бы не приступить хотя бы къ выработкѣ программы церковной реформы, къ заготовкѣ обширнаго церковно-историческаго матеріала, различныхъ необходимыхъ справокъ,—все это понадобится будущему собору. Вѣдь не съ пустыми же руками являться на соборъ всѣмъ? Почему бы не начать подготовительныхъ работъ, какъ ихъ начало уже государство? Если государство, при всей тяготѣ своей внутренней и внѣшней жизни, находитъ возможнымъ во время войны работать надъ сложнѣйшими и опаснѣйшими вопросами государственной реформы, то не тѣмъ ли болѣе возможно это для церкви?.. Почему бы эти предварительныя работы не разослать по іерархамъ и выдающимся изъ мірянъ для предварительнаго ознакомленія съ ними? Далѣе, вѣдь нашли же возможнымъ реформировать положеніе старообрядцевъ и сектантовъ....

Многіе наши іерархи писали проекты церковныхъ реформъ совсѣмъ въ мирныя времена и однако эти проекты оставались проектами, а авторы ихъ подвергались гоненію за свою любовь къ правдѣ и церкви Божіей ²⁾. Вотъ почему нѣкоторые боятся, и отчасти не несправедливо, что у насъ пожа-

¹⁾ *Церк. Вѣстн.* № 17. 17 апрѣля для православной церкви. Стр. 514 сл.

²⁾ Любопытенъ составъ Собора, по проекту церковной реформы архіепископа Пензенскаго Варлаама († 1876 г.). На Соборѣ должно присутствовать: не менѣе 24 епископовъ, 3 архимандрита, 3 игуменія, 3 протоіерея, 3 священника, члены Государственнаго Совѣта и Сената, два-три человѣка старѣйшихъ отъ учебныхъ заведеній, всѣ головщики раскола... *Дух. Ут. Соч.* цит. Стр. 142—143.

луй и теперь не найдется удобнаго времени для церковной реформы... *Неблаговременность* реформы, несоотвѣтствие ея данной минутѣ—извѣстный конекъ....

„Характерная, въ смыслѣ подобной аргументаціи, переписка по вопросу объ участіи представителей церкви въ государственномъ совѣтѣ собрана въ только что вышедшемъ въ свѣтъ новомъ XIX томѣ извѣстнаго труда Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды Погодина“.

Переписка относится къ 60-мъ годамъ минувшаго вѣка. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, въ числѣ другихъ предположеній, касающихся духовенства, между прочимъ, проектировалъ и привлеченіе епископовъ въ государственный совѣтъ. Свой проектъ Валуевъ, по волѣ Государя, сообщилъ на заключеніе тогдашнему оберъ-прокурору синода, графу А. П. Толстому и высшимъ, представителямъ іерархіи—митрополитамъ и протопресвитеру В. Б. Бажанову.

Толстой отвѣчалъ: Вообще, кажется несомнѣннымъ, что *всякое коренное преобразование теперь не ко времени* и можетъ только усились общее колебаніе мыслей, весьма естественное, когда столь важныя нововведенія предпринимаются съ такою легкостію.

Служившій въ то время въ синодѣ, Г. И. Филипповъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ такъ безотрадно проваливашагося проекта Валуева, писалъ Погодину: „Мертвенность вѣдомства дѣйствуетъ какъ-то на общее расположеніе и квазитъ. Авось-либо духъ жизни—тѣми или другими судьбами Божиими—повѣсть и на духовныя власти. Сыне человѣчъ! Прорцы на пастыри Израилевы! Оле пастыри Израилевы!.. Еда самихъ себе пасутъ пастыри, не овецъ ли пасутъ пастыри?“

Авось-либо, скажемъ и мы, духъ жизни повѣсть на духовныя власти. Пора“ ¹⁾.

Далѣе, недоумѣваешь: что представляетъ собою церковь? Въ устахъ говорящихъ подобныя рѣчи она теряетъ уже и безъ того скромное положеніе „вѣдомства“ и превращается въ какое-то просто отдѣленіе „Краснаго креста“, и въ какое-то новое „охранное“ государственное учрежденіе. Ужели эти-

¹⁾ М. Н. Слово. № 146.

ми двумя сторонами исчерпывается вся ея дѣятельность, все ея непримѣрно великое служеніе міру?

Нѣтъ, ея задачи, ея служеніе міру шире этихъ непримѣрно узкихъ задачъ. Она обнимаетъ собою всѣ минувшіе вѣка, время настоящее и всѣ грядущія времена. Она соприкасается со всѣми мірами. Ея послѣднія основанія теряются въ незримой выси, въ горнихъ мірахъ, у престола вѣчной Правды и Любви. Церковь выше всего временнаго, скоропреходящаго и неустойчиваго. Не только царства, но и вселенная разрушится, а ея правда и жизнь будутъ существовать вѣчно. Она должна остаться вѣрной и своему прошлому. Христосъ Спаситель живетъ въ такое время, когда народъ еврейскій доживалъ послѣдніе дни своей и то уже относительной политической свободы. Но Его рѣчи, оставленныя намъ, говорятъ, что Онъ проповѣдовалъ и думалъ о другомъ. Политическая жизнь страны Его не касалась. Его царство было „не отъ міра сего“. Апостолы и первохристіане, живя въ мірѣ среди извѣстныхъ мрачныхъ политическихъ и общественныхъ условій, жили какъ бы внѣ ихъ, созидая себя и свой внутренній міръ и свой особый бытъ. Божіе они отдавали Богови, а Кесарево Кесареви. Ни чѣмъ не торговали они. То же самое мы наблюдаемъ впослѣдствіи на Востокѣ и на Западѣ.

Все можно на свѣтѣ отлагать, только не дѣла спасенія и Божіей правды. Если одну погибшую душу не купить за весь міръ, то что сказать о множествѣ душъ гибнущихъ отъ соблазна? Чѣмъ ихъ выкупятъ пастыри и архипастыри? И русская церковь въ былое время строила себя, не дожидаясь, когда кончатся извѣстныя междоусобицы князей, различныя общественныя смуты, когда сойдутъ со сцены тѣ или другіе неладные правители. Отъ той поры мы знаемъ даже мучениковъ, замученныхъ за строеніе св. Христовой Церкви. Нужно твердо помнить и то, что строить церковь не значитъ разрушать государство, колебать троны, похищать власть другихъ. Мы ни у кого ничего не собираемся похищать. Еще менѣе мы собираемся колебать чьи-либо престолы. Строить церковь въ настоящую годину всеобщей смуты, значитъ созидать государство, помогать тому, разрушенія чего такъ боятся. Можетъ быть, дѣло теперь такъ обстоитъ, что пропустить этотъ моментъ

значить и для самого государства потерять многое. Было вѣдь время на св. Руси, когда вся Русь, истомленная безконечными смутами и волненіями, собиралась, объединялась, успокаивалась только у престоловъ святительскихъ.

Да вѣдь церковь, выступая на путь возстановленія древняго устроенія, не отказывается помогать и русскому народу въ его бѣдахъ на Дальнемъ Востокѣ, и у себя дома. Она и теперь дѣлится послѣдними своими лептами, дѣлаетъ все, что можетъ. Почитайте отчеты о ея дѣятельности. Развѣ наши сестры, братья, дѣти не страдаютъ вмѣстѣ со всѣми на Дальнемъ Востокѣ? Развѣ многія изъ нашихъ учащихся, не исключая студентовъ, не пошли даже добровольно туда же? Развѣ наши учащіеся отъ послѣднихъ своихъ крохъ, отъ своего стола и утренняго завтрака, не удѣляютъ части нашимъ страдальцамъ на Дальнемъ Востокѣ? Развѣ они не сидятъ по лазаретамъ съ ранеными, не собираютъ различные пожертвованія на нихъ, не боясь ни труда, ни возможныхъ обидъ и оскорбленій? Развѣ наши не работаютъ въ складахъ на „красный крестъ“? Развѣ сами не устраиваютъ складовъ на военныя нужды? Жертвуютъ рѣшительно всѣ. А придетъ время, когда нужно будетъ, мы, по слову нашего Первосвятителя, все положимъ на алтарь отечества. Отдадимъ даже свои священныя сосуды, снимемъ дорогія украшенія съ св. иконъ. Теперь же мы не знаемъ, какъ еще больше можно служить русскому народу въ его несчастіяхъ на Дальнемъ Востокѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы сдѣлать особенное въ этомъ отношеніи духовенство? Что могло бы, наприм., оно сдѣлать для увеличенія золотой наличности, усиленія провозоспособности сибирской дороги, лучшей организаціи арміи, поднятія работоспособности и искусства нашихъ полководцевъ и адмираловъ. Занято духовенство реформами или не занято, все равно оно не можетъ участвовать на войнѣ. Броненосцы строить оно не умѣетъ. Гдѣ покупать уголь дешевле и какъ его доставлять нашему храброму адмиралу безопаснѣе, не знаетъ. Дипломатическихъ нотъ никогда ни писало. Войсками командовать по нынѣшнимъ временамъ мудренно не только въ рясахъ, но и въ мундирахъ.

Заботятся пастыри и будутъ заботиться и объ успокоеніи

мятущихся умовъ, не смотря на многоразличныя опасности, какимъ они подвергаются за это. Все несутъ они безропотно отдавая послѣднія свои силы Престолу. И, можетъ быть, не напрасно трудятся. Какъ знать, что было бы у насъ, если бы всѣ эти силы текли въ другую совсѣмъ сторону...

VI.

Говорятъ еще: „епископы—это представители монашества, которое оцѣниваетъ церковную жизнь подъ угломъ зрѣнія аскетизма, съ точки зрѣнія, идеаловъ монашества, но не съ точки зрѣнія общенародной и общецерковной пользы. Монашество далеко отъ міра, не знаетъ жизни, а потому не можетъ охватить общецерковную пользу во всей ея полнотѣ и многообразіи“. Предполагаютъ, что „оно будетъ проповѣдать реформу прежде всего въ интересахъ епископства въ монашествѣ, въ интересахъ власти епископской и ея значенія (значенія, прибавимъ отъ себя, можетъ быть, не нравственно духовнаго, а внѣшняго, политическаго, ничего общаго съ апостольствомъ не имѣющаго) въ государствѣ“¹⁾.

„На замкнутой епископской коллегіи вопросъ о реформѣ церкви можетъ свестись къ попыткѣ утвердить въ церкви монашеское властительство. За послѣднія 20—25 лѣтъ монашествующее духовенство и безъ того приобрѣло неподобающее ему значеніе“²⁾. А другіе болѣе откровенно говорятъ и пишутъ: мѣсто монаховъ—„мѣсто пусто“, ихъ мѣсто должны занять вдовы священники и даже женатые, какъ было въ первые вѣка христіанства³⁾.

Центръ тяжести приведенныхъ обвиненій и попытка самозащиты противниковъ скорой церковной реформы заключаются, повидимому, въ томъ, что монахи ищутъ въ этой реформѣ „своихъ си“. Но да будетъ позволено сказать, что монахи въ этой реформѣ нисколько, ни мало не ищутъ „своихъ си“... Они ищутъ только правды, которая такъ дерзновенно была попорана почти двѣсти лѣтъ тому назадъ. Ищутъ восстановленія свободы церкви, ея древняго благолѣпія, полноты, глу-

¹⁾ *Нов. Вр.*

²⁾ *Преподават. Семинаріи. Церковный соборъ и бѣлое духовенство. Сл. № 140.*

³⁾ *Сл. Пастырь.*

бины и широты жизни. Они хотятъ только исцѣлить тѣ язвы, которыя теперь стали уже почти неисцѣльными. Большаго они ничего и не ищутъ. По крайней мѣрѣ молодое монашество оставляло мѣръ съ его радостями, увлекаемое въ значительной мѣрѣ мыслию освобожденія Церкви Христовой отъ „Вавилонскаго плѣненія“. Если не достаточно моихъ только завѣреній, почитайте, что говорятъ и пишутъ объ этомъ самые лучшіе наши архипастыри. Епископъ Сергій пишетъ.

„Не всѣ рады этой перемѣнѣ, и уже раздаются голоса, что свободы хотимъ мы только пастыри Церкви и вообще духовенство, свободы отъ внѣшняго государственнаго контроля надъ нашимъ поведеніемъ и служеніемъ, свободы дѣлать въ Церкви, что мы хотимъ... Да смолкнутъ эти недоброжелательные голоса, нехотящіе видѣть ни Церкви Божіей, ни ея истинныхъ нуждъ. Не о такой свободѣ мы думаемъ и молимся: такая свобода была бы для Церкви лишь новымъ порабощеніемъ, можетъ быть, худшимъ всякаго другого. Мы молимся о свободѣ для самой Божіей Церкви, о возстановленіи для нея единственно правильной и законной жизни, сообразной ея природѣ, при которомъ голосъ Церкви слышенъ и обязателенъ для всѣхъ ея чадь, въ которомъ ею управляютъ лишь ея законы и нужды, и въ которомъ пастыри являются отнюдь не хозяевами и господами положенія, а несмѣнными слугами для общаго спасенія. Свобода—для Церкви, но не для насъ“. Можно ли еще болѣе ясно и торжественно выразить мысль, родную и дорогую для всѣхъ монаховъ? То же самое говорить и другой святитель, Епископъ Антонинъ.

„И встаетъ первосвященникъ русской земли, и несетъ на раменахъ своихъ скорби страны, входитъ въ скинію власти и полагаетъ къ подножію могущества сердце народа, царь видитъ біеніе его и слышитъ вопли его. И звучитъ голосъ блюстителя небснаго ученія. Открывается путь истиннѣ къ началамъ и ко властямъ земнымъ. Утверждается дерзновеніе блюсти правду и посрамлять измѣняющихъ ей“. Синодъ просить, чтобы поднялся отъ лица земли „богомолецъ и теплый печальникъ за страждущую отчизну предъ престоломъ Божиимъ и передъ трономъ земнымъ“.

Скажите откровенно, гдѣ же здѣсь исканіе „своихъ си“? Не

новья ли бремена и бремена весьма тяжелыя хотять возложить на свои плеча современные архипастыри? Не лучше ли было бы жить безъ этихъ новыхъ заботъ, какъ мирно и безмятежно жили и умирали до сихъ поръ архипастыри?..

Скажу и большее, защищая свою рѣчь о томъ, что архипастыри не ищутъ „своихъ си“. Если наше мѣсто нужно кому либо, то многіе изъ иноковъ могутъ отдать его съ перваго же разу и безъ всякаго прекословія. Монахи съ великой радостью уйдутъ въ то „мѣсто пусто“, въ которое не безъ глубокаго затаеннаго удовольствія желали бы нѣкоторые изгнать иноковъ. Для насъ и „мѣсто пусто“ не страшно. Не ссылка это, а рай Божій. Спросите современныхъ ученыхъ монаховъ, какъ много изъ нихъ по многу уже разъ просили, кого слѣдуетъ, чтобы ихъ отпустили въ „мѣсто пусто“ съ миромъ. Если они еще остаются среди сутолоки житейской, то только за послушаніе. Преимущества монастырскаго положенія инока на лицо.

Издалека, конечно, розовымъ кажется положеніе ученаго монаха и монаха епископа. Но стоитъ только приглядѣться ближе къ дѣйствительности, чтобы увидѣть, что это завидное положеніе усыпано безчисленными шипами и что многіе изъ иноковъ въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ одни изъ несчастнѣйшихъ людей.

Инокъ—живой мертвецъ. Миръ—гробъ для него. Монахи лишены самаго безцѣннаго дара личной жизни, съ ея тихими и святыми радостями, съ ея дорогими, близкими, понятными сердцу, скорбями. У монаха нѣтъ ни своего угла, ни своего времени, ни вѣрнаго друга. Онъ вѣчно одинъ и одинокъ. Жалованіе инока, которому такъ многіе завидуютъ, лучшіе иноки не считаютъ своимъ. Я знаю монаховъ, которые все свое жалованіе раздаютъ другимъ, какъ имъ не принадлежащее, а сами живутъ трудами только рукъ своихъ. Да и отсюда отдаютъ все, что можно только отдать. Монахъ не принадлежитъ и себѣ. Онъ всегда, день и ночь, всецѣло принадлежитъ обществу. Это-какой-то своего рода „батракъ“, только батракъ болѣе или менѣе высокаго разряда, какой-то „наймитъ“ общественный. Всѣ приходятъ къ нему только затѣмъ, чтобы получить отъ него что-либо. Кто приходитъ къ нему съ лаской и участливымъ отношеніемъ?.. Согласитесь сами, видѣть постоянно только

нужды и скорби паствы, нести на своихъ плечахъ всю тяготу не одного, а многихъ, быть вѣчно только „слугой“, не имѣть времени даже опомниться, это страшно трудная, почти непосильная задача.... Не говорю о безчисленныхъ другихъ трудныхъ сторонахъ служенія инока въ міру, его незримыхъ и зримыхъ скорбяхъ. Не здѣсь объ этомъ говорить... Не даромъ святители при своемъ посвященіи всѣ обыкновенно повторяютъ на различные лады все одну и ту же мысль, мысль не о радостяхъ, а о скорбяхъ своей будущей жизни и своего будущаго служенія. Послушайте, что, наприм., говорилъ въ свое время откровеннѣйшій и прямѣйшій человекъ, страдалецъ за правду, мужъ великаго опыта, глубоко просвѣщенный и образованный, святитель Порфирій (Успенскій). „Епископъ—большой труженикъ. У всѣхъ есть свои забавы, а у него—однѣ заботы. У всѣхъ есть свои досуги, а у него—непрерывныя дѣла. Какія же утѣшенія его?—Успѣхи чадъ его въ благочестіи. Какое богатство у него?—Добродѣтели. Чѣмъ онъ доволенъ?—Тѣмъ, что имѣетъ пропитаніе и одежду.“

Тоже мы слышимъ и изъ устъ современныхъ святителей. „Мы пастыри церкви, призваны не къ тому, чтобы „господствовать надъ наслѣдіемъ Божиимъ“ (I Петр. 5. 3), а къ тому, чтобы вмѣстѣ съ благовѣстіемъ „передать своей паствѣ и души наши“ (I Сол. 2, 8), чтобы искать не своей власти, не своего авторитета или покоя, а одного лишь спасенія вѣранныхъ намъ словесныхъ овецъ. Мы должны возносить къ престолу всѣ молитвы ихъ и прошенія, всѣ ихъ слезы, скорби, ихъ покаяніе. Но должны нести на себѣ и все „поношеніе Христово“ (Евр. 11, 26), все „уничженіе Сына Человѣческаго“ (Мр. 9, 12), должны понести на себѣ всю неукротимость страстей нашей паствы, всякія искушенія ея смущенной совѣсти, всѣ немощи ея немощной души. Мы стоимъ на правильномъ пути не тогда, когда паства намъ служить, а тогда, когда мы ей служимъ и потребностями ея духовнаго благополучія опредѣляемъ всю нашу духовную и тѣлесную жизнь ¹⁾.“

Недаромъ мы видимъ немало святителей, которые бѣжали со своихъ святительскихъ кафедръ въ тихую монастырскую

¹⁾ Епископъ Сергій. Церк. Вѣст.

келлію на вождельбный покой и тихую жизнь для Бога и своей души. Въ рядахъ этихъ бѣжавшихъ мы встрѣчаемъ такихъ святителей, которыхъ никто ни въ чемъ дурномъ не можетъ заподозрить, какъ, напр., святитель Тихонъ Задонскій или изъ нашего времени святитель Теофанъ - Затворникъ. Незавидна доля русскаго епископа. Говорятъ о правахъ духовенства, задавленнаго будто бы нашими архипастырями. Но никто не догадается сказать правду о правахъ самихъ то архипастырей. Не считаю удобнымъ говорить объ этомъ подробно. Скажу только объ одномъ. Однажды я спросилъ высокопоставленнаго архипастыря, почему перевели неожиданно одного святителя въ другую епархію.

Архипастырь помолчавши отвѣтилъ на мой вопросъ:

— У насъ архіерея легче перевести, чѣмъ псаломщика на другой приходъ. Псаломщикъ переведенный подастъ на тебя жалобу; нерѣдко сверху заставляютъ оставить его на томъ мѣстѣ. А кому будетъ жаловаться святитель? Кто его спроситъ о назначеніи или перемѣщеніи?

Мы думаемъ, что даже многіе пастыри съ семинарскимъ образованіемъ, живущіе на хорошихъ приходахъ, вникнувъ въ дѣло, не захотятъ мѣняться съ нами. Я по крайней мѣрѣ встрѣчалъ уже пастырей, которые не безъ нѣкоторой ироніи и не безъ нѣкотораго затаеннаго удовольствія говорили мнѣ эту горькую истину...

Скажу и большее. Теперь съ особеннымъ усердіемъ говорятъ о женатыхъ епископахъ. Въ этихъ разговорахъ, конечно, нельзя не видѣть скрытой задней мысли—улучшить и облегчить какъ-либо положеніе епископа. Пусть попытають... Смѣю думать, что новые епископы бѣгутъ изъ епископскихъ домовъ на свои приходы и вмѣстѣ даже съ своими женами. Епископство дорого только скорбями и только тотъ въ немъ устоитъ, кто сможетъ ихъ перенести. Тяжелъ золотой вѣнецъ епископа. Не даромъ дается, ему и посохъ—опора его...

Съ другой стороны, всѣ ли и изъ пасомыхъ согласны будутъ имѣть у себя женатыхъ епископовъ? На этотъ вопросъ уже отчасти данъ отвѣтъ.

„Въ свободной монархіи гдѣ никакимъ религіямъ не дѣлается затрудненій, гдѣ каждый можетъ искать истину, почему же гг. Никольскому и Розанову не явится апостолами своего ученія.

До сихъ поръ мы были свидѣтелями, какъ поповскія матушки прискивали жениховъ своимъ дочерямъ, а архіереи передавали имъ приходъ, какъ бы въ наслѣдство, на кормленіе. Теперь намъ по мысли перваго дадутъ епископовъ женатыхъ, одноженцевъ, а по второму уничтожатъ всѣ церковные каноны и создадутъ евангелическую церковь, которую, впрочемъ, давно уже создалъ Лютеръ и Кальвинъ. Что же, господа? Создавайте. Духовенство сословное будетъ вамъ глубоко признательно и благодарно: только не забудьте снабдить его хорошимъ содержаніемъ, чтобы было ему на что жить, а то оно при вашихъ затѣяхъ можетъ остаться безъ паствы. Но намъ, православнымъ, не возвращайте имѣть своихъ неженатыхъ епископовъ и своихъ, нами избираемыхъ пастырей. Хороша ли или нѣтъ греко-восточная церковь, но она намъ мать. Вѣрьте, что пока русскій народъ не разорвалъ съ нею связей, онъ пребудетъ православнымъ. Можетъ быть, вы имѣете въ виду въ создаваемую вами русскую „евангелическую“ церковь (иначе протестантскую), съ женатыми архіереями и съ многоженатыми мірянами, (по ученію магомета), загнать православную паству. Но мы вѣримъ, что вскорѣ она устроитъ свои храмы въ домахъ, а можетъ быть и въ пещерахъ, но побороть ее вамъ не придется, какъ не удалось, въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ, побороть старообрядчество“ ¹⁾).

Но довольно объ этомъ...

Приведу еще одно изъ многочисленныхъ ходячихъ возраженій относительно возможности церковной реформы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Епископъ Евдокимъ.

---

1) Н. Дурново. Разсв. № 38.